

Цзян Линь и сам ужасно разозлился. Этот человек так обидно отверг его, а теперь снова мозолит глаза — это ещё что за цирк? Его речь невольно ускорилась:

— Раз так, ты мог спокойно уйти, какого чёрта надо было прятаться и петлять?

Да потому что я хотел проводить тебя домой! Вдруг тебя по дороге приметит какой-нибудь негодяй, что бы ты делал?

Цзин Хао кипел изнутри, но сказать этого не смел, поэтому попытался сменить тему:

— Вчера... я сказал тебе слишком резко...

— Не нужно.

Цзян Линь так долго держался, что голова раскалывалась от боли, а от подобных речей в ушах и вовсе зазвенело. Он оборвал парня почти на полуслове:

— Ты был прав. Ты считаешь меня назойливой прилипалой и презираешь.

— Я...

— Поиграешь, когда станет весело или скучно, а надоем — обругаешь пару раз. И кем ты меня после этого считаешь?

Цзян Линь развернулся и зашагал вперёд:

— Мне не нужна твоя жалость!

Цзин Хао ещё долго стоял на месте, глядя, как тощая спина Цзян Линя постепенно растворяется вдали. Раздражённый до предела, он со злости пнул стоявший рядом телеграфный столб, но не рассчитал силу и отбил себе всю ногу.

Цзин Хао взвыл:

— Чёрт возьми, Цзян Линь меня и так отчитывает, так теперь ещё и ты решил надо мной издеваться!

Телеграфный столб: «.....»

На следующий день половина утренней самоподготовки уже прошла, а Цзян Линя всё не было.

Цзин Хао заглядывал к двери раз двадцать, из-за чего сидевшая у прохода девчонка покраснела так, что кровь из носа хлынет, и едва не зарылась лицом в учебник.

Цзян Линь ставил учебу выше собственной жизни, он никогда бы не опоздал без веской причины. Если бы он вдруг заклевал носом на уроке, то сам бы попросил разрешения встать и слушать объяснения с галёрки. Именно поэтому Цзян Хао так тревожился.

Вдруг он снова приболел?

Конечно, последствия от алкоголя вряд ли могли держаться так долго, но Цзян Линь такой худой, мало ли у него организм какой-то особенный.

Или по дороге что-то случилось?

Почему этот дурачок вечно заставляет его переживать?

Чем больше Цзин Хао думал об этом, тем сильнее волновался. В конце концов он плюнул на самоподготовку и даже не стал отпрашиваться. Он и раньше частенько прогуливал, так что сторож у ворот давно привык к его физиономии и выпустил парня без всякой записки.

Сердце Цзин Хао колотилось как безумное. Добравшись до того самого перекрёстка, он увидел, что впереди толпится огромная гурьба людей.

В груди у него ёло, дыхание сбилось, а по спине побежали мурашки от дурного предчувствия. Ускорив шаг, Цзян Хао протиснулся вперёд и дёрнул за рукав какую-то тётку:

— Что тут произошло?

— Ой, да сбили тут кое-кого! Парень молодой, студент, от удара прямо в воздух взлетел, а кровищи-то — лужи кругом! — тётка страшно замахала руками, изображая масштаб трагедии.
— Ужас просто, до смерти перепугал всех!

Бах!

Студент?

Недоброе предчувствие захлестнуло Цзин Хао с головой. Охваченный паникой, он вцепился в рукав женщины:

— Как выглядел этот парень? Худой? Кожа бледная? А волосы? Короче моих? А одежда? Какого цвета, школьная форма?

— Да откуда я разгляжу! — Тётка отшатнулась от града вопросов, но жажда сплетен заставила её напрячь память: — Волосы короткие, сам худой-прехудой, одежда вроде как раз такая, как у тебя, бело-синяя... Только когда его уносили, она вся красная была, ох-х!

— Куда его повезли?!

— А куда ещё, в Третью народную больницу, она тут ближе всего.

— Эй, ты куда побежал? Под ноги смотри!

Цзин Хао пропустил предупреждение мимо ушей и со всех ног помчался к больнице, словно безумный. Сейчас у него было лишь одно желание — поскорее увидеть Цзян Линя.

Добежав до больницы, Цзин Хао запыхался так, что едва стоял на ногах, но на отдых времени не оставалось. Поймав за рукав медсестру, он сбивчиво, но чётко объяснил причину своего визита — страх за любимого человека почти сводил его с ума.

— Студент, которого только что привезли после аварии? Вон в той операционной, его как раз спасают. Ты ведь его однокурсник? Не переживай так сильно, доверься врачам! — Медсестра указала парню дорогу и попыталась его успокоить.

Цзин Хао поблагодарил её и сломя голову бросился к операционной. Цзян Линь, смотри у меня, выйдешь оттуда целым и невредимым, а не то я тут же найду себе нового парня и нарочно скажу тебе: знакомься, это мой бывший!

Ты, мать твою, уже и целовался со мной, и обнимался, неужто трудно вести себя потише, чтобы я мог спокойно заботиться о тебе?!

Цзян Линь...

Красная лампочка над дверью операционной всё ещё горела. Цзин Хао впервые в жизни ощутил такую глубокую беспомощность. Опустившись на стул в коридоре, он слегка запрокинул голову, и холодная стена неприятно обожгла кожу на затылке. Медленно подняв руку, он закрыл лицо ладонями.

— Цзин Хао?

Кто это меня зовет?

Услышав знакомый, но донельзя невероятный голос, Цзин Хао резко повернул голову. Прямо перед ним стоял Цзян Линь — целёхонький, с ошеломлённым выражением на лице, словно говорящим: какого чёрта ты здесь делаешь?

— Цзян Линь...

— А?

В следующую секунду Цзин Хао рывком притянул его к себе и крепко обнял.

Мало того, что он встретил Цзян Линя там, где его быть не должно, так ещё и набросился с объятиями? Лавина неожиданных событий совершенно лишила Цзян Линя способности соображать.

Он сошёл с ума, точно сошёл с ума.

Это была единственная мысль, оставшаяся в его голове.

Натискавшись вдоволь, Цзин Хао наконец опомнился, разжал руки и спрятал их за спину. Неизвестно откуда в нём взялась эта наглость, но он тут же принялся допытываться:

— Ты проверялся? Нигде не зашибли?

Откуда он знает про аварию?

Цзян Линь растерянно моргнул:

— Так, царапины пару штук, ерунда. Ты-то сам как здесь оказался?

— Я... — Цзин Хао понизил голос и быстро затараторил: — *-+@~!

Цзян Линь: «???»

Цзин Хао долго смотрел на него, собираясь с мыслями, но так ничего и не добавил. Наконец, то ли успокаивая, то ли вздыхая, бросил:

— Ладно, главное — сам цел.

Он тут устраивал драму вселенского масштаба, изводил себя раскаянием и горел в адском пламени сожалений... Выражаясь грубо, горло драл над чужой могилой, словно на похоронах, а потом выяснилось, что никто не умер, и теперь этот самый человек стоит рядом со странным выражением лица и смотрит на твой позор. Какой же испанский стыд, просто позорище.

Не дожидаясь, пока Цзян Линь успеет задать встречный вопрос, Цзин Хао поспешно перевёл

тему:

— А кто там внутри?

Цзян Линь покачал головой:

— Не знаю, я его не видел.

— Тогда какого чёрта ты здесь караулишь?

— Я шёл мимо, случайно заметил, а скорую никто вызвать не додумался. Вот я его и привёз.

— И ты всё это время сидел с ним?

Цзян Линь кивнул:

— По крайней мере, пока он не придёт в себя.

— Тогда я побуду с тобой.

Обоим богам было известно, сколько мужества потребовалось Цзян Хао, чтобы произнести эти слова. Цзян Линь от неожиданности едва дар речи не потерял.

Цзин Хао только что заявил, что будет ждать вместе с ним? Что вообще происходит? Сначала обнимашки, теперь готов составить компанию... Солнце сегодня случайно не с той стороны взошло?

Когда Ло Цин пришёл в себя, всё тело невыносимо ломило, а конечности стали мягкими, как варёные макароны, так что в них не было ни капли сил. Он помнил лишь, как вчера, не сдержав слёз, разревелся, а Сун Чэнь после этого словно с цепи сорвался. Вместо того чтобы утешать его мягко и нежно, как обычно, он принялся зверствовать ещё сильнее и продолжал до тех пор, пока Ло Цин не сорвал голос и не смог даже пикнуть, излив всё внутри него.

Потом Сун Чэнь сам отнёс его в ванную, чтобы обмыть, и всю дорогу что-то бормотал себе под нос. Сознание Ло Цина плавало в тумане, в памяти отложилось лишь то, что Сун Чэнь несколько раз выкрикнул имя «Сяо Янь» и твердил что-то вроде «я так сильно скучал по тебе». Говорят, на войне все средства хороши, а в постели — все обиды забываются. Ло Цин сейчас был готов подписаться под каждым этим словом. В конце концов, вспоминая прошедшую ночь, он чувствовал лишь сладость, а прежнее отчуждение и боль испарились без следа. Ну разве не чудо? Пусть мой парень и вредный на язык, но ведь как сильно он меня любит!

— Сяо Янь, проснулся?

Сун Чэнь, похоже, обладал неисчерпаемым запасом энергии. Пододвинувшись ближе, он протянул Ло Цину стаканчик с йогуртом. На лице Ло Цина мгновенно расцвела счастливая улыбка, обнажив пару милых клычков. Но стоило Сун Чэню взглянуть на это сияющее лицо, как его прекрасное настроение тут же испортилось наполовину.

У Сяо Яня не было клычков. И характер у него был куда более сдержанный: в любой ситуации он вёл себя безупречно, а улыбался лишь чуть-чуть приподняв уголки губ — тихо и скромно.

Вчера вечером заплаканные глаза Ло Цина и закушенная губа были точь-в-точь как у обиженного Сяо Яня. Именно поэтому Сун Чэнь так свирепствовал, измываясь над ним и ломая его. В те минуты ему казалось, что под ним лежит самый настоящий Сяо Янь, безропотно принимающий его ласки. Он мог сколько угодно прижимать его к себе, засыпая в объятиях, и просыпаться поутру с любимым человеком под боком... Но эта улыбка вмиг разрушила хрупкую иллюзию, выдернув его из сладких грёз суровую реальность.

Верно. Как ни крути, а он — совсем другой человек.

Ло Цин от природы был существом непритязательным. Стоило ему открыть глаза и увидеть заботу любимого человека, как он тут же растаял от счастья, забыв обо всём на свете. Разве мог он заметить промелькнувшее в чужих глазах разочарование? Он просто обнимал йогурт обеими руками, глупо улыбаясь и уже подумывая о том, не пойти ли ему на маленькую хитрость.

Он с детства отличался застенчивостью, да и по своей сути был парнем, поэтому капризничать и ластиться к кому-то казалось ему задачей непосильной. Но они встречались уже два года, и многое в их отношениях изменилось. Раз уж они стали так близки, почему бы не попробовать? Ничего постыдного в этом не было.

Размышляя об этом, Ло Цин протянул руку и ухватил Сун Чэня за запястье.

Сун Чэнь отвернулся.

— Можешь... — Ло Цин выпрямился во весь рост, одеяло соскользнуло с округлых плеч, обнажая кожу, покрытую отметинами от вчерашней страсти. Из-за охватившего его волнения и стыда кончики ушей покраснели. Как ни посмотри, он выглядел невероятно трогательно и соблазнительно: — Можешь покормить меня?

Сун Чэнь посмотрел на него: переводя взгляд с пальцев, сжимавших его запястье, на полные надежды глаза, а затем медленно, палец за пальцем, разжал чужую хватку.

— Своих рук нет?

Ло Цин поспешно опустил голову. Эх, всё-таки не умеет он выпрашивать нежности.

Сун Чэнь цыкнул языком:

— Где ты вообще набрался этих штучек?— Я...

— Хватит! — Сун Чэнь теперь, стоило ему только взглянуть на Ло Циня, чувствовал раздражение. Если бы не это лицо, они с Сяо Янем и впрямь не были бы похожи ни капли. Сяо Янь походил на недосягаемый снежный лотос на горной вершине, а Ло Цин... от рождения низкий и ничтожный, во всём уступал Сяо Яню.

— Если у тебя всё, собирайся и дуй обратно в университет. Мне еще делами факультета заниматься, не докучай мне.

Ло Цин не понимал, почему Сун Чэнь так бурно реагирует. Быть может, тот и правда был слишком занят? Ему не хотелось усложнять ему жизнь:

— Давай я помогу тебе.

— Ты-то? — Сун Чэнь словно услышал какую-то невероятную шутку. — Полдня возишься с таблицей и путаешь название специальности?

— Не мешайся под ногами.

Бросив это раздраженным тоном, Сун Чэнь прямо так и ушел в кабинет, больше не обращая на Ло Циня внимания. Когда он вышел снова, Ло Цин уже ушел. В комнате царил идеальный порядок — с первого взгляда было понятно, что здесь тщательно прибрались, даже тапочки были аккуратно выстроены в ряд. Сун Чэнь усмехнулся: повадки служанки.

Когда Ло Цин вышел из дома Сун Чэня, его желудок уже подал голос. Сил у него было не так много, а из-за йогурта он проголодался еще сильнее, но идти в столовую не хотелось, и он зашел в пекарню.

Он выбрал сдобную булочку с изюмом — свежее испеченную, от которой даже припекало руки. Ло Цин заплатил и только собрался уходить, как кто-то окликнул его:

— Ло Цин!

Юй Байянь была в коротком розовом платье, ее каштановые длинные волосы слегка завивались — вылитая прелестная юная дева. От той загорелой и нескладной девчонки, что была несколько лет назад, не осталось и следа.

— Мы ведь столько не виделись! И подумать не могла, что встречу тебя здесь.

— Вот уж действительно. А ты? Приехала сюда на пару дней развеяться?

— Ни капельки, — Юй Байянь загадочно улыбнулась. — Отец нашел мне здесь учебное заведение, мы планируем обосноваться тут насовсем.

Юй Байянь была его одноклассницей по старшей школе, они неплохо ладили, но потом произошли кое-какие неприятные события, и общение постепенно сошло на нет. Он никак не ожидал, что они снова встретятся.

— Я только сегодня приехала, как раз собиралась тебе сообщить, и надо же было столкнуться вот так.

Юй Байянь тут же поинтересовалась его делами:

— Как устроился на новом месте? Привык к местной жизни?

— Вполне хорошо.

— Ну и отлично. — Юй Байянь спросила: — Ты сейчас один? Или...

Ло Цин очень хотел сказать, что у него есть парень, но, вспомнив, как Сун Чэнь вечно всё скрывает и держит в тени, решил не создавать лишних проблем и покачал головой:

— Расписание такое плотное, когда тут о любви думать?

В глазах Юй Байянь мелькнула радость, но она тут же изобразила на лице сожаление:

— Эх, мужчины, всё-таки учеба и карьера должны быть на первом месте.

Ло Цин ничего не ответил.

— Вообще-то, мой брат... — Юй Байянь сменила тему, осторожно прощупывая настроение Ло Циня. — Он считает, что перед тобой очень виноват.

— Байянь! — Ло Цин не хотел продолжать этот разговор. — Я не желаю о нем слышать.

— Ладно-ладно, — Юй Байянь обладала большой проницательностью и, уловив малейшее сопротивление, тут же замолчала. Она принялась болтать о всякой всячине и в конце концов

сумела сгладить неловкую атмосферу.

— Ну всё, Ло Цин, я тогда побежала, до встречи!

Юй Байянь провожала его до самого университета, прежде чем неохотно распрощаться. Ло Цин шел по дороге: повсюду кругом ворковали пары, держась за руки. Казалось бы, такая банальная вещь, но из-за того, что они были вместе, от этого веяло сладостью на все сто процентов.

Он вспомнил, что они с Сун Чэнем, кажется, еще ни разу не гуляли вот так рука об руку.

Ло Цин в одиночестве бродил по кампусу, безуспешно пытаясь себя убедить: Сун Чэнь занят, к тому же его положение не терпит ни единого пятнышка на репутации. Раз он его парень, то должен проявить понимание. К тому же однополым парам и так приходится нелегко, значит, ему нужно быть чуточку взрослее и стараться изо всех сил, чтобы соответствовать Сун Чэню.

Стоило ему подумать об этом, как на душе снова посветлело, и шаги сразу стали намного легче.

Впереди неожиданно показалась группа людей в деловых костюмах. Ло Цин тоже решил посмотреть, из-за чего шум, но стоило ему бросить один взгляд, как его внимание было приковано намертво.

Ведь в самом центре, непринужденно беседуя и излучая потрясающую уверенность, был не кто иной, как Сун Чэнь!

Кажется, на сегодня у их председателя студенческого совета было запланировано какое-то собрание.

Пока Ло Цин сомневался, стоит ли поздороваться, окружающие уже разошлись, и рядом с Сун Чэнем осталась лишь одна девушка.

Девушка что-то говорила, ее движения выглядели смущенными, она теребила пальцы, сцепив руки в замок. Тогда Сун Чэнь протянул руку и погладил ее по голове — он наверняка хотел лишь слегка утешить ее после отказа, но кто же знал, что эта девица, доведенная до отчаяния, бросится прямо ему на шею, а ее руки так по-хозяйски обвинят его шею.

Ло Цин просто ошеломлен. Эта сцена вонзилась в его сердце, словно острый нож.

С тех пор как Цзян Линя обнял Цзин Хао, ему стало казаться, что что-то изменилось.

Отношение Цзин Хао к нему будто бы отличалось от прежнего: он не только то и дело пялился

на него, но стоило им встретиться взглядами, как смущенно отводил глаза, а его лицо подозрительно краснело.

Изредка он заводил с ним разговоры о совершенно посторонних вещах, снова и снова давая понять, что даже если им не суждено стать парой, враждовать нет никакой нужды — они вполне могут остаться одноклассниками или даже обычными приятелями.

— Леса Цаньцун и Рыбалка Юйфу, как туманно и дико рождались те царства...

— С тех пор пролетело четыре десятка тысяч с лишним лет, восемь тысяч лет... восемь тысяч лет... э-э...

Чжан И заикался, его глаза непрестанно бегали по сторонам в надежде получить хоть какую-то подсказку.

Но, к большому сожалению, прочесть по губам того брата было абсолютно невозможно. Промычав какое-то время и неловко застыв на месте, он замолк. Учительница литературы еле сдерживала гнев. Обведя взглядом класс, она заметила Цзин Хао, который неотрывно пялился влево.

В обычное время она бы закрыла на это глаза и пустила всё на самотек, но сейчас этот балбес витал в облаках прямо у нее перед носом да еще и блаженно ухмылялся, неизвестно на какую девчонку засмотревшись в окно. Ее гнев вспыхнул с новой силой.

— Цзин Хао, давай дальше, продолжай читать.

Цзин Хао был настолько увлечен созерцанием Цзян Линя, что полностью отгородился от внешнего мира, пока Цзян Линь не повернулся, не встретился с ним взглядом и легонько не ткнул его в локоть.

Учительница литературы была уже готова запустить в него учебником.

— Цзин Хао? Цзин Хао!

— А? А?

Получив тычок колпачком ручки, Цзин Хао наконец пришел в себя и услышал почти звериный рык учительницы:

— С тех пор пролетело четыре десятка тысяч с лишним лет, продолжай!

— Ой, э-э, с тех пор пролетело четыре десятка тысяч с лишним лет, не с Циньскими заставами... не с...

Цзин Хао никогда не слушал уроки литературы и, судя по всему, даже не представлял, на какой странице находится этот текст. О том, чтобы он помнил наизусть, не было и речи.

Он уже ни на что не надеялся, но по какому-то наитию всё же повернул голову и взглянул на Цзян Линя.

Губы Цзян Линя шевельнулись.

Хотя сидел он всё так же прямо, но он действительно говорил: нежно-розовые губы то открывались, то закрывались, и хоть голос был тихим, его вполне хватило, чтобы расслышать.

— Не с Циньскими заставами людские пути сливаются.

— Угу, дальше, — произнесла учительница.

— Э-э...

Цзин Хао снова застрял, в точности повторив участь Чжан И. Учительница литературы, решив дать ему последний шанс, подсказала:

— Западнее перевала...

В следующую секунду в классе воцарилась гробовая тишина.

Потому что Цзин Хао взял и... так просто взял и сел... сел на свое место.

Учительница литературы вытаращила глаза:

— Я разрешала тебе садиться?

Цзин Хао виновинно хлопал глазами:

— Разве вы не сказали сит-даун?

Учительница литературы: «...»

Все присутствующие: «...»

Обычно что-то не замечалось за ним такого рвения к изучению английского языка. Учительница литературы была вне себя от ярости и, не колеблясь ни секунды, выдала:

— А ну вон из класса, стой в дверях!

Сидевшие за партами ученики давились смехом. Цзин Хао же не стал спорить и пошел к выходу, даже не взяв учебник — в конце концов, ему было не привыкать.

Учительница с досадой бросила ему вслед:

— Даже учебник с собой не берешь! Посмотри на себя, похож ты вообще на ученика?!

Цзин Хао пришлось вернуться за учебником и забрать его.

Учительница литературы от такого фокуса была ни жива ни мертва — она просто не знала, что делать с подобными учениками. Как раз в этот момент прозвенел звонок с урока. Заметив давящегося от смеха Цзян Линя, она решила переложить задачу на него:

— Цзян Линь, чего ты улыбаешься? Тебе так смешно? Вот и отлично, назначаю тебя ответственным: научишь его, на следующем уроке я проверю!

Подхватив учебники, учительница удалилась. Класс тут же взорвался хохотом — «западнее перевала» и «сит-даун», мать твою, это было шедеврально!

Цзян Линь тоже больше не мог сдерживаться, обнажая ряд белых зубов. От этой улыбки у Цзин Хао зачесались зубы — ладно остальные смеются, но неужели даже ты не хочешь заступиться за меня хоть капельку?

Впрочем, возможность заставить его улыбнуться, казалось, стоила того.

Получив официальное назначение от учительницы литературы, Цзин Хао осмелел и придвинул свой стул ближе к парте Цзян Линя:

— Цзян Линь, завтра первым уроком снова литература. Ты же видишь, я вообще не слушал на уроках, как это учить-то?

В том, что касалось учебы, Цзян Линь всегда был серьезен, тем более что сейчас это было поручение учителя. Он принялся честно и подробно растолковывать Цзин Хао:

— Сначала нужно вникнуть в смысл, а уже потом запоминать. Я тебе сначала объясню общий смысл, потом ты выучишь сам и в конце пару раз повторишь для закрепления, тогда всё получится.

Голос Цзян Линя звучал подобно чистому роднику, журчащему в сердце Цзин Хао. Обычно, когда он разговаривал, от него веяло холодом и отстраненностью, словно от снежного лотоса, растущего на ледяной вершине. Но в тот вечер он был таким мягким и милым, просто невероятно прелестным! А главное — такой голос слышал только он один, и к тому же то, что он говорил, означало, что тот благосклонен к нему!

<http://bllate.org/book/20916/2115507>